

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Омский государственный педагогический университет

М. К. Чуркин, Б. С. Токмурзаев

**АГРАРНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ
СТЕПНОГО КРАЯ:
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
И ИМПЕРСКИЕ ПРАКТИКИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

Монография

Омск
Издательство ОмГПУ
2019

УДК 94(470)"1850/1917"
ББК 63.3(2)5-27
Ч-93

Печатается по решению редакционно-издательского совета Омского государственного педагогического университета

Рецензенты:

д-р ист. наук, профессор *Ж. А. Ермекбай*;

д-р ист. наук, доцент *П. П. Вибе*

Чуркин, М. К.

Ч-93 Аграрная колонизация Степного края: общественно-политический дискурс и имперские практики второй половины XIX – начала XX вв. : монография / М. К. Чуркин, Б. С. Токмурзаев. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2019. – 262 с.

ISBN 978-5-8268-2218-9

Монография посвящена широкому кругу вопросов аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. В центре исследовательского интереса авторов – общественно-политический дискурс и имперские практики колонизационного дела на восточных окраинах страны. Обращение к научно-исследовательским практикам «новой имперской истории» и «новой культурно-интеллектуальной истории» позволило выявить и охарактеризовать модели взаимодействия акторов имперской политики колонизации в регионе, отразить содержание национал-консервативного и либерального дискурсов колонизации, раскрыть и обосновать стратегии поведения сословий в имперской системе аграрного освоения региона.

Работа адресована научным работникам, специалистам в сфере аграрной колонизации окраин и переселенческой политики Российской империи, а также всем тем, кто проявляет живой интерес к социокультурным и этническим аспектам исторического процесса.

УДК 94(470)"1850/1917"
ББК 63.3(2)5-27

ISBN 978-5-8268-2218-9 © Чуркин М. К., Токмурзаев Б. С., 2019

© Издательство Омского государственного педагогического университета, 2019

ВВЕДЕНИЕ

Осмысление исторического опыта аграрной колонизации Сибири и сопредельных территорий путем вскрытия содержания имперского дискурса, выявления акторов и субъектов колонизационного процесса, их роли и влияния на результаты инкорпорации территорий региона в общеимперское пространство представляется научно значимым и актуальным. Аграрное освоение Степного края во второй половине XIX – начале XX вв. относится к одному из знаковых сюжетов отечественной истории, поскольку продвижение русской оседлости в степные области восточных окраин страны осуществлялось в сложных контекстных геополитических, этнокультурных и социокультурных обстоятельствах. Исследуемый период чрезвычайно важен с точки зрения рефлексии и оценки факторов формирования имперской идентичности, так как в обсуждении, фиксации и практической реализации задач, связанных с внедрением и распространением земледельческих практик в степных областях Зауралья, появляется реальная возможность воссоздания имперского измерения истории России.

Существенным представляется и то, что во второй половине XIX – начале XX вв. Степной край становится зоной активного взаимодействия центральной и региональной бюрократий, ориентированных на стабилизацию отношений в гетерогенном, этническом, социальном и конфессиональном планах. Произшедший в имперской политике разворот от военно-политической колонизации к аграрному освоению сопровождался разработкой проектов «центрирования» колонизируемых территорий, что способствовало формированию общественно-политического дискурса и включению в него власти и образованной части общества.

Обращение к широкому спектру проблем аграрной колонизации Степного края с учетом социокультурной ситуации эпохи,

моделей трансляции и репрезентации представлений о причинах, обстоятельствах, результатах внутренней колонизации региона может рассматриваться в качестве опыта переосмысления историографической традиции исследования российской колонизации Центральной Азии, и в частности Степного края, во второй половине XIX – начале XX вв.

Следует отметить, что для современной российской исследовательской ситуации характерна тенденция к преодолению схематизма в оценке аграрной колонизации степных областей во второй половине XIX – начале XX вв. Ее очевидными признаками является сочетание традиционных и инновационных подходов к осмыслению широкого спектра вопросов причинно-следственного свойства, раскрывающих содержание, логику и реализацию имперских колонизационных сценариев. Так, в фокусе внимания историков все чаще оказываются темы изменения политического статуса кочевнического общества в контексте его интеграции в пространство модернизирующейся империи, формирования и эволюции нормативно-правовой базы переселенческой политики в связи с аграрными мероприятиями в Степном крае, разработки принципов административной политики в сфере начального образования иноземцев, реализации практик административного и судебного реформирования в степных областях, установления факторов конфликтности старожилов, новоселов и иноземцев Азиатской России в условиях принимающего общества, осуществления конфессиональной политики в казахской степи, оценки роли правительственных и общественных экспертов в аграрной колонизации Степного края.

В последнее десятилетие в оценке российского имперского опыта утвердился концепт «внутренняя колонизация», обсуждаемый за пределами традиционных схем отечественного колонизационного процесса, сложившихся в историографическом дискурсе второй половины XIX – начала XX вв., в центре которого располагались практики хозяйственного освоения и административного управления подведомственными государству территориями. В работах А. Эткина, Д. Уффельманна, И. Кукулина и др.

оформилось определение внутренней колонизации как регулярных практик колониального управления и знания внутри политических границ государства. В основе концепта лежит идея об особом типе отношений между государством и подданными, в границах которого государство воспринимает их как покоренных в ходе завоевания, а к собственной территории – как к захваченной и загадочной, требующей заселения и «окультуривания», направляемых из одного центра¹. Все это позволяет утверждать, что в условиях российской колонизации реализовывался вариант сложного доминирования, составляющими которого являлись культурная экспансия, гегемония власти, а также ассимиляция в пределах государственных границ². Симптоматично, что задачи колониального принуждения в такой системе осуществлялись в интересах безопасности империи, а также поиска ресурсов обеспечения ее устойчивости. Не менее важным является и то, что в контексте постколониальной теории имперский подход, разрабатываемый в новейшей российской историографии, привел к существенным изменениям в историографической традиции заявленной проблемы, что проявилось прежде всего в признании факта, в соответствии с которым в обстоятельствах имперского доминирования функцию гегемона может выполнять только государство, остальные группы населения являются объектом колониационного давления, субалтернами империи, в том числе и русский народ, который наряду с индигенными группами населения окраин превращался в объект повторной колонизации.

Можно предварительно утверждать, что империя, включая в свой состав новые территории на восточных окраинах, начала их властное освоение и интеграцию в имперское политико-административное пространство, используя окраины как военно-

¹ Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России : сб. ст. / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012; *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013.

² *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013. С. 18–19.

экономический плацдарм для дальнейшего имперского расширения (Западную Сибирь и Оренбургский край – для Казахской степи и Средней Азии). При этом одним из важнейших факторов реализации имперских проектов на окраинах являлась «политика населения», сообразно с принципами которой государство активно вмешивалось в этнодемографические процессы, манипулировало этноконфессиональным составом населения для решения военномобилизационных задач. С этой целью империя заселяла восточные окраины русскими переселенцами, которые осознавали себя субъектами колонизации и проводниками идеи о том, что зауральские земли не просто освоены экономически, но и заселены однородным и единоверным с Россией населением. Стоит отметить, что коренное население колонизируемых земель регулярно находилось в эпицентре имперских административно-управленческих практик, которые эволюционировали от косвенной системы управления к управлению по крестьянскому образцу, что в итоге привело к слиянию и взаимодополнению в имперской политике стратегических задач экономической, политической и социокультурной интеграции народов Сибири и сопредельных регионов в состав национального Российского государства.

Таким образом, отличительным признаком исследовательских подходов современных авторов, разрабатывающих тематику аграрной колонизации Степного края, является перемещение акцентов с сюжетных линий колонизационного процесса к дискурсивным его составляющим, что открывает видимые перспективы в поисках ответа на вопрос о механизмах имперского управления в России и на окраинах, экспертах и акторах колонизации.

В свете вышесказанного предметом исследования является аграрная колонизация Степного края в общественно-политическом дискурсе и имперских практиках второй половины XIX – начала XX вв. Цель монографии – выявить содержание общественно-политического дискурса аграрной колонизации Степного края и охарактеризовать имперские практики реализации проектов государственного освоения степных областей Зауралья во второй половине XIX – начале XX вв.

Достижение поставленной цели может быть осуществлено посредством решения следующих задач:

1. Определить историографические и методологические основания исследования темы аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX вв.

2. Раскрыть потенциал источников по проблеме общественно-политического дискурса и имперских практик колонизации Степного края.

3. Выявить основные позиции российского общества по вопросу потенциала Степного края как района аграрной колонизации.

4. Обосновать подходы центральной и региональной власти к оценке перспектив аграрного освоения Степного края.

5. Раскрыть влияние общественно-политического дискурса на формирование и развитие аграрного и переселенческого законодательства в отношении Степного края во второй половине XIX – начале XX вв.

6. Установить место и роль переселенческого контингента в имперских практиках аграрной колонизации Степного края.

7. Выявить модели взаимодействия сословных групп Степного края в имперском механизме аграрной колонизации региона.

Хронологические рамки работы ограничиваются периодом второй половины XIX – начала XX вв. Выбор нижних временных границ исследования обусловлен началом интенсивной законодательной деятельности по регуляции аграрных отношений в Степном крае, вызванной активным экономическим проникновением России в пределы степного региона, в результате чего происходит оформление правовых основ правительственной политики, направленной на урегулирование статуса действующих субъектов колонизации: казачества, инородцев и первых вольных переселенцев-крестьян. Положения, правила и указы 1867–1869 гг., реализуемые в продолжение двух десятилетий, наиболее рельефно отразили имперский вектор в правительственном проекте колонизации и сопутствующих практических мероприятиях.

Верхние границы исследования определены принятием Временных правил о добровольном переселении сельских обывателей

и мещан-земледельцев в 1904 г., когда окончательно утвердился правительственный курс, направленный на изъятие земель у коренного населения с целью исключительно пополнения переселенческого фонда. Тем самым земледельческие районы Степного края в представлениях власти становятся объектом реализации имперских практик аграрной колонизации, внутренними окраинами Российской империи.

Территориальные параметры работы охватывают максимально комфортные в земледельческом плане Акмолинскую и Семипалатинскую области, активно вовлекаемые в процесс аграрной колонизации и имперской инкорпорации во второй половине XIX – начале XX столетий. После проведения реформ 1867–1869 гг. названные области были включены в состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства, а с 1882 г. выделены в Степное генерал-губернаторство с административным центром в Омске. В специальной литературе второй половины XIX – XX вв. в отношении Акмолинской и Семипалатинской областей использовался широкий спектр определений: «Степной край», «Степные области», «Степь», «Киргизская (казахская) степь», применяемых для обозначения административного пространства Степного генерал-губернаторства. Термин «Степной край» становится менее поливариативным и более общепотребимым после исключения Семиреченской области из состава Степного генерал-губернаторства и перевода ее в юрисдикцию Туркестанского генерал-губернаторства в 1897 г.

Авторы выражают благодарность и глубокую признательность всем тем, чьи советы, рекомендации и конструктивные замечания оказали неоценимую помощь в работе исследовательской группы над ключевыми проблемами монографии (д-ру ист. наук, профессору В. Н. Худякову, д-ру ист. наук, профессору В. А. Звереву, д-ру ист. наук, профессору Ж. А. Ермакбаю, канд. ист. наук, доценту Н. Г. Суворовой, канд. ист. наук, доценту С. Д. Мамраимову), коллективу кафедр отечественной истории ОмГПУ, отечественной и зарубежной истории университета «Сырдария» (г. Жетысай, Республика Казахстан). И, разумеется, моральной и материальной поддержке наших родных и друзей.